

Не совсем понятно было, отчего Владимир Бондаренко, закончив исследование творчества русского поэтического гиганта Лермонтова, вдруг в той же молодогвардейской серии ЖЗЛ устремился исследовать, ну, если не карлика, то средненького, как казалось многим, поэта Игоря Северянина. Этого «царственного паяца» по собственному самокритичному северянинскому определению.

Сей «царственный паяц», возможно, и был царственным «и по дворянскому происхождению, и по уверенности в собственной гениальности, и по манере поведения среди литераторов», – пишет Владимир Бондаренко. Но это был именно паяц, «играющий шута даже перед самим собой, не верящий ни в надёжность своей двусмысленной славы, ни в литературное лидерство рядом с Николаем Гумилёвым или, позже, с Владимиром Маяковским».

Вот оно что! Сам-то исследователь так высоко его вдруг и превозносит, что даже настораживается наивный, менее самого исследователя знающий исследуемый объект читатель, с этого авторского зачина вынужденный до конца внимательно следовать за автором, дабы либо уличить его в гиперболизации роли поэта, либо радостно-вдохновенно согласиться с такой (куда уже выше!) оценкой сотворённого им.

И Владимир Бондаренко проводит – прямо-таки за ручку – Игоря Северянина перед читателем своим, начиная от тщательно, кропотливо поданных деталей его биографии как человека и заканчивая удивительными зигзагами и метаморфозами его как поэта. Которого ввели в большую литературу, ну конечно же, родственные тогда ему души – Фофанов и Сологуб.

Отрывки из книги Владимира Бондаренко «Северянин» печатались в журнале «Дон» (№1-3, 2016)

«Печатать Северянина стали просто ненасытно. Слава свалилась сумасшедшая, но что-то в ней было не так, – цитирует автор Вячеслава Недошивина. – ... Его носили на руках парикмахеры, модистки, приказчики да гувернантки. – только у них он был популярен». Отягощённому же литературным вкусом и жизненным опытом читателю что-то мешало воспринимать Северянина всерьёз. Что же? И сам Северянин опять же самокритично раскрывается позже: «...строптивость и заносчивость юношеская, самовлюблённость глуповатая и какое-то общее скольжение по окружающему».

Вот так и прослеживается далее путь северянинской поэзии с её странным жанром, представляющим, по Пастернаку, через «недоразвитость, безвкусицу и пошлые словоновщества в соединении с завидной чистотой, свободно лившейся поэтической дикцией» – под покровом банальности «запоздалый приход тургеневщины в поэзии».

И уже совсем по-женски восторженная Ирина Одоевцева длит эту оценку: «В этих, пусть смехотворных, стихах явно слышатся несмотря ни на что «вздохи муз и звоны лиры, и отголоски ангельского пения». В них высокая, подлинная поэзия».

Через эту «двойственность», как утверждает сам исследователь, он и проведёт своего читателя по поэтическому миротворчеству Игоря Северянина. Вот только двойственность ли это? Судя по тем откровениям, которыми с читателем поделятся в процессе совместного путешествия по жизни и творчеству поэта, это, скорее, та широта охвата, тот мощный диапазон, на который опирается, который исследует неординарная северянинская поэзия. Да-да, начиная и с этих, положим, строк:

*Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её паж.*

Кажется, они давно уже проросли в вечность, опираясь на песенное величие двух других русских гениев – Петра Лещенко и Александра Вертинского.

И продолжая вот этими, рождёнными любовью к русскому Северу, подаренному Северянину самим фактом его рождения:

*Шексна моя, и Ягорба, и Суда,
Где просияла первая любовь,
Где стать поэтом, в силу самосуда,
Взбурлённая мне предрешила кровь.*

И далее – проводит нас поэт к воспеванию после «длиннющего путешествия с отцом через Урал, Сибирь и Дальний Восток» всей «матушки-Рассеи»:

*Я видел сину Енисея,
Тебя, незлобивая Обь,
Кем наша «матушка-Рассея» –
Как несравнимая особь –
Не зря гордится пред Европой;
И как судьба меня ни хлопай,
Я устремлён душою всей
К тебе, о синий Енисей!*

Таким Игоря Северянина знает наивный светлый читатель наш?! Возможно, нет. Вряд ли таким...

А ведь уже шестнадцатилетним подростком Игорь Северянин, возвратившись из этого путешествия, перевернувшего всю его жизнь, возмужавшим, обретшим жизненный опыт, «прекрасно понимает свою жизненную суть – быть русским поэтом и более никем»:

*Чтоб целовать твои босые
Стопы у древнего гумна,
Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!*

Ну вот, теперь понятно становится, почему вдруг и Владимир Бондаренко взялся первооткрывать (в очередной раз) Игоря Северянина. И первооткрыл! «Вашего нежного, вашего единственного» провёл и через «Гатчинскую любовь» к «Письмам Фелиссе», затем от «Громокипящего поэта» прямо к «Королю поэтов»... И далее – через антиподное столкновение (или всё-таки близость?) «Двух великанов Северянина и Маяковского» к – совершенно уже чисто бондаренковскому открытию – «Сталинскому грезофарсу».

Это я только что процитировала, закавычив, названия глав обширного и тщательного исследования. Только глав! Загляните вовнутрь их, полистайте. Почитайте... И лишний раз заслужен-

но, восхищённо выдохнете: как же богата земля русская столь дивными и мощными талантами!

И не двойственный Северянин распахнётся перед взором вашим, а широчайшего диапазона поэтический мир одарит, опалит вас своим дыханием. И согреет душу гордостью за высоты человеческого духа, пронесённые через все страдания, все испытания первой половины века двадцатого, так созвучные тем, которые и мы с вами, возможно, пережили и переживаем до сих пор уже в нашем – двадцать первом столетии.

г. Москва